

Сергей Лаврушин
Дополнения

«Автор»

2017

Лаврушин С. А.

Дополнения / С. А. Лаврушин — «Автор», 2017

Роман в рассказах. Дополнения - это и есть те самые рассказы в жизни того, кто рассказывает. Там про современность. Про меня (лирического героя, как говорится), который пытается что-то сочинить, чтоб не умереть от скуки жизни и двигаться в ритме божественных гармоний. Содержит нецензурную брань.

© Лаврушин С. А., 2017

© Автор, 2017

Глава 1 «Ещё одно творчество»

1

Мы приехали в деревню к родственникам, деревня Курской области, а мы – нет. Брательник говорит в шутку, к чему там, я уже не помню: «А, это у вас, у орловских...!» Вот оно. Мысль посетила меня: орловские. То есть мы, и я в том числе, здесь и в данный момент простые второстепенные персонажи. Да что там говорить, мы и в собственной жизни часто бываем второстепенными персонажами.

Ну, вот например: у меня была группа. Она где-то в потенциале была, без сомнения, очень хорошая, а я был соло-гитаристом. Барабанщика я записал на диктофон, других приглашал по очереди домой и на компе, просто через линейный вход записывал и клеил. Это сейчас демо-версия песни не должна отличаться по качеству от профессиональной записи, а тогда никто из нас об этом не думал.

Спустя три-четыре месяца остались записи, но не было ни одного живого выступления, и группа распалась. Потому что я сказал им, что я делаю всё, а они безынициативные и тянут меня вниз. (Через пару лет мы, конечно же, помирились.)

Хочешь сделать хорошо – сделай это сам. Подумать бы мне так в то время и сразу начать писать роман; ведь это так просто и понятно: я один и ни от кого не завишу. Но – нет. Музыка тогда во мне была слишком глубоко, а, как я выяснил много позже, писать и играть одновременно я категорически не способен. Ничего умнее я не придумал, как податься в другую группу.

Антоха с репбазы звонит мне: «Ну чё, вы придёте завтра?» А я отвечаю: «Нет, мы распались. А скажи мне, ни в какую группу там басист не нужен?» «А ты хочешь басистом?» «Да, давно хочу на басу поиграть». «Вообще-то нужен. В две группы. Одна играет спид-хард-блюз-рок, другая трэш-хеви-металл. Я тебе ссылки сегодня скину».

Что за бред, трэш-хрен-блюз-металл, подумал я, но ссылки просмотрел. В первой на вокале был сам Антоха. Вроде как мощно, есть кач, грув, бодрые рифы и дикая пошлятина ни о чём. Во второй Антоха был просто-гитаристом, а с микрофоном бегал чувак, который неумело и пафосно кривлялся и так себе пел. Звоню и говорю: «Здарова, Антоша, мне понравилась та группа, где ты поёшь». «Не, мы пока в творческом отпуске, а вот вторая завтра репетирует, можешь подойти».

Я и подошёл. И как музыкант им тоже подошёл. Вокалист вальяжно сидел на пластиковом стуле с тремя ножками, курил, а в той каморке вонючей пыль, грязь, перегар, провода повсюду лежат прямо в грязи и по ним ходят.

– Мы, э-э-э..., предлагаем тебе серьёзную работу. В Орле, э-э-э..., кроме нас и не осталось уже старых групп, профессиональных, – кривлялся вокалист, про себя представляя, что ведёт серьёзные переговоры. – Поэтому ты не должен промахивать репетиции, а тут и запись альбома, э-э-э..., вот-вот может случиться, как бы.

– Ясн, – медленно смог я кивнуть, а через две недели мы уже играли на каком-то сейшене, а это уже много значит, это всегда круто, это эмоции через край, вызов самому себе, зажигать со сцены, делиться своей энергией – вот так бы я сказал, если б был похож на своего вокалиста. Я волновался, но моих партий всё равно не было слышно. Не было слышно и Антохиных соляков, а ритм-гитара ревела, как так и надо – пьяная свинья звукорежиссёр стоял у сцены, орал и строил «козу».

Именно на этом первом выступлении я увидел группу «Рассвет Луны». Три пацана и невысокая девчонка. Она стала спиной и, пока ребята протянули первый аккорд, громко прошептала: «Мы группа Рассвет Луны». Ага, привет вам. Поехали, слова на английском, куплет в стиле реггей, а потом припев просто нахрен снёс всю башку: она заорала, захрипела, заискрилась. Харизма девочки была очевидна. О таком не думаешь: да или нет? Организм начинает воспринимать мир иначе, вся кровь сразу говорит «Вот оно», и просто задыхаешься от радости.

Где-то месяц спустя я узнал, что от них ушёл басист.

Пэйджу легко было быть крутым гитаристом – у него был отличный басист Джонс.

– Антоша, познакомь меня с ними, – попросил я.

– А что, хочешь сайд-проект? – сгримасничал Антоша. – А нас бросаешь?

– Да я на две группы – спокойно. Они ж крутейшие. Ты слышал, как их вокалистка поёт? Как её зовут, кстати?

– Наташа. У них репа в четверг, приходи. Там ещё и барабанщика нет, я пока вместо стучу.

– Просто вот так, бери и приходи?! – обиделся я.

– Ну да, а чё?

– Ну ты хоть предупреди, что: можно ли придёт басист, охрененный, хочет с вами играть. Наташе было семнадцать, гитаристу Семёну – восемнадцать.

Как я понял уже на репетиции, Антоша предупредил их минут за минуту до того, как я явился. Скорее всего, увидел меня издали с чехлом в руке и: «А кстати, сейчас придёт...»

Я сразу решил, что буду играть много нот. Под Натахин вокал и музыку, напрочь лишённую гитарных соло, это был бы лучший вариант. Первая песня называлась «Хор», что в переводе означает – шлюха. Одни и те же четыре аккорда на вступление, куплеты, припевы, проигрыш. Я извращался, как мог, чтоб разнообразить аккомпанемент: В начале ничего не играл, вступал со словами и брал ноты повыше, потом сбивочка, чтоб в мощном припеве дёргать глубокий низ, где только раз на сильную долю высоко фа, и тут же её на первом ладу для контраста.

– Ребят, а что если я в вашем проигрыше, чтоб пустовато не было, солячок на басу сочиню?

– Да! Классная идея! – вроде как даже вправду воодушевился гитарист Семён.

Я просто ликовал, это был самый ожидаемый ответ.

– До вторника? – протянул после руку Семён.

– Ну что, вы меня берёте? – улыбнулся я с такой мордой, что мне либо вообще все равно, берёте или нет, либо я так классно всё сыграл, что конечно же берёте.

– Да, всё было офигенно, почему нет.

Вот же ж гад – офигенно и почему нет – как это может быть соседями в одной фразе?

Наташка стояла рядом и улыбалась мне – «детка, тебе понравилось, как я вставил в проигрыш соло?» – они с Семёном были парой.

Помчалось время, проходили репетиции. Был я третьим лишним? Нисколько; мы занимались творчеством, это круче, чем секс. Лишним всё больше становился сессионщик Антон. Пока мы оттачивали каждый звук, всегда договариваясь о месте для импровизации, он играл как в первый раз. Его партии всегда, я подчёркиваю – каждый раз, были разными. Это раздражало, но не могло омрачить время лучших репетиций в моей... Карьере? Да, почему нет?

Я бы при всём желании не смог сказать, что Семён плохо играет на гитаре. Да, от его игры много грязного шума, он не умеет играть соло, но! Его сочетания нот (далее – аккорды), составленные всевозможным растопыриванием пальцев до четвёртого лада, звучали нагло и винтажно, и это было очень здорово.

– Что это за аккорд? Как тут играть, смотри, тут рэ или подняться на фа?

– Я не знаю, давай посмотрим, как лучше звучит.

То, что наступит конец рабочего дня, и я буду свободен, я знаю. Хоть и трудно в это поверить, но это произойдёт в любом случае. А вот в то, что на меня вдруг свалится счастье, я уже не уверен. Хотя вот в данную минуту – здесь и сейчас – и счастье, и конец рабочего дня кажутся одинаково недостижимыми. Но всё равно немного приятно ждать, когда ты, свободный и чёткий, проденешь руку в гитарный ремень и дёрнешь струну, типа пробуешь на ощупь.

– У меня есть старая песня про Гильгамеша. Послушайте, там крутой риф. – Не то, чтобы я настаивал сыграть одну из моих старых песен, но мне просто было бы приятно.

- Мы слушали на твоей странице, нам понравилась песня про сирен.
- Ну пусть про сирен. А её переиграем?
- Понимаешь, – говорит мне девочка на десять лет меня моложе, – это не наш стиль.
- Ну и чёрт с вами, – отвечаю я ей покорно.

Про Гильгамеша я сочинял целую рок-оперу. Остановился на первом акте, когда Гильгамеш и Энкиду собираются в путь за подвигами. Если бы была возможность придумать ещё одну рок-оперу, я бы взял за основу «Суламифь» Куприна. Весь спектр возможности гитар там можно использовать, от тяжелейших риффов из трёх нот, до слёзных баллад, а вступление бы звучало в духе Janie's Got a Gun Аэросмит только про Иерусалим и всю экзотику.

Да, мне хотелось, чтоб мы сыграли какую-нибудь мою старую песню, но не сильно. У «Рассвета луны» был стиль, я думал, что чувствовал его и предлагал им аранжировки. Теперь Наталья пела не под аккорды, а под музыкальное сопровождение. Наконец-то за долгое время и я чувствовал себя «к месту», ощущал себя и не дебильным лидером, и не заштатным аккомпаниатором, а нужной частью целого. Когда обсуждали новую песню, мы втроём даже не спорили, мы – разговаривали.

Ребятюшки, вы же слышали, как я раньше записывал песни дома. Звучит не совсем круто, но приемлемо. Приходите, Семён запишет гитару под метроном, потом ты споёшь, а я потом добавлю, сделаю всё, что нужно. Будет, как надо, звучать.

Последовал ряд увёрток и дежурных вопросов: а что, а как, а зачем? Но в итоге они ответили:

- Хорошо, мы придём в восемь.

Я поставил ноутбук к центру комнаты, подключил отличные колонки, размотал провода и сел ждать.

- Алло, мы уже едем!

Часам к двенадцати они были у меня.

Настроили звук, определились с микрофоном. Семён записал первый неудачный дубль. Потом ещё один. Потом два-три удачных. Потом наиграл другую песню с неинтересным названием «Дракула» сначала на электрухе, потом на акустичке. Когда пела Наташа, мы пошли пить чай. Когда она позвала нас, я включил REC ещё раз и сделал дубль, а потом ещё раз для бэков.

Первый вечер наших стараний подошёл к концу. На часах было четыре ночи-утра. Ребята уехали на такси, а я ещё недолго слушал записи и крутил вертелки, чтоб добиться «звука».

На следующий день я работал один. Набил барабаны, записал бас, настроил эффекты. Мои партии на басу были похожи, скорее, на чертёж, в котором нет мелодии. Может представители чертёжного искусства одёрнут меня, скажут: «Хороший чертёж – это музыка!» Мой – точно нет. Я всегда ровно и правильно выстраивал ноту за нотой. Это получался плавный переход от аккорда к аккорду. Но когда последовательность аккордов замыкалась – всё снова повторялось; две или четыре фразы, связанные между собой. Хоть это и лучше, чем два раза ля, один раз рэ, один раз ля, но я недоволен. Движения пальцев становились всё чётче, развитие же, набрав обороты в начале, достигло пика и остановилось, тем самым обозначило деление «ноль». Ниже – это как было раньше, выше – это всё, чему удивляешься, уже кое-что умея. У меня стрелка так и осталась на месте, иногда вдруг резко выдавая то плюс, то минус.

Итак, первая песня «Андер ватар», что-то там про под водой. Вполне естественный и непринуждённый рок-н-ролл. Как сказал один паренёк «качёвый». Может быть, тут я кивну головой. Первая половина песни три ноты, затем мой переход на фа-диез в паузе между словами и при однообразной игре гитары. Во второй половине Семён уже начинал кое-какие выкрутасы, а я всё в том же фа-диезе уходил на октаву выше. Затем припев, где позволил себе играть много нот, эдакий почти стандартный рок-н-рольный бас. Держу ровно на первом аккорде, потом переход резко вверх, третий – лесенкой от ля мажора сильно вниз, и четвёртый опять потоптались на месте. Отлично. И, кстати, да, вполне качёво.

Следующая песня «Дракула». Поначалу выходила стандартная рок-баллада, но я давно понял: когда кажется, что надо делать именно так, а всё равно получается не очень, то сделай всё абсолютно наоборот. Убрал барабаны совсем. Записал кучу клавишных скрипок и пианин. Все гитары порезал на куски, часть удалил, оставил только вступление и половину куплета пока не вступали струнные. Постепенно клавишные забивали гитару, пока не оставался один орган. И вот целый припев под мощный органный вальс и бубен, выдающий а-ля испанский ритм. А потом я записал соло: что-то среднее между партией органа и мелодией припева. Получился эдакий Дракула эпохи Возрождения.

И всё круто, одно только – английский текст. Взрослый голос наивной девочки похотливо и невинно поёт: «Гоу ту фак ё ловер, бичес». Если бы все эти её артистичные качества так же естественно да в русский текст...! я чувствовал, что мы одновременно создаём и уничтожаем искусство. Это чувство и стыдно терпеть, и невозможно оторваться.

– Давайте больше русских текстов. Нахрен не нужен английский, никто ни черта не понимает, поёшь с акцентом, нахрен надо!

– У меня нет акцента.

– Где живёт англичанин, что так сказал?

– У меня нет акцента!

– Всё равно не понимаю, нахрен надо?!

– Я не могу контролировать, на каком языке выразить идею.

– Сочини свой. Или пой совсем белиберду. Мы играем в провинциальном городе, кому ты здесь поёшь? Небушку? Великому ничто, под названием бесконечное искусство? Себе? Нет, не говори, что себе, это будет вообще полный бред!

– У меня есть песня на испанском.

– Тоже зачем? Но... уже лучше.

Я просто не понимаю, почему так неистово? Так, становимся на коленки перед англиш калче. Душа творца и так никому не нужна, зачем удобрять ею чужой огород, если свой зарастает? Чтоб обернуться, увидеть его и сказать: «Фу, нафиг там работать, он же такой отстойный и заросший»? Ну а что, слушаем музыку, смотрим клипы, в кровь проникает «вот, как надо», а диктат форм и содержания всё непреодолимей. Нас спасёт упорный и кропотливый труд, а не пустые слова и сусальная дрянь под названием «уроки патриотизма». Дело живое против мёртвой буквы по Лескову. Упорный и кропотливый труд, а также лучшие современные образцы русского языка, новая классика в маске панибратства, ну, как Пушкин с «Русланом» в своё время, да?

Второй день записи.

Для начала я показал им, как обработал на досуге и аранжировал их старую диктофонную запись под гитару. К сожалению, она была сделана не под метроном, поэтому говорить о нормальных наложениях не приходилось. Песня называлась «Трус ин лав» (Истина в любви). Если что-то получается не круто, сделай вид, что с самого начала так и хотел. Ну, может, чуть-чуть просто не получилось. Поэтому Гротеск был девизом при работе над песней. Я на глазок понапихал туда клавишных, которые добавили и так тревожной композиции ядовитой флегмы. Шикарный объёмный ревер превращал Наташин голос и Семёнов перебор в кафедральный туман, а мой бубен и удар ладонью по столу в шаги если не Сатаны, то гадкого бога подростковых заморочек точно: твёрдые и неотступные; он уже близко! Но всё же такую атмосферу не удалось выдержать до конца. Песня была слишком затянута, а вырезать кусок я не мог, потому что записано не под метроном, правка была бы слишком заметна.

Прослушав то, что получилось раз пять, мы с известной долей удовлетворения приступили к работе над новой песней. Это был «Вич хаус». Тут понятно, «Ведьмин дом», стиль такой. Я ещё не знал, что это получится самая сложная и интересная аранжировка, идеальное сочетание вспышек озарения и заранее придуманных идей. Это была моя запись «умри,

Денис». Возможно, так хорошо я уже не сделаю. Тем лучше, с одной стороны: это возможность ещё чуть ближе познакомиться с самим собой. И хоть потом «Дракула» собрал больше комментариев, считаю «Ведьмин дом» своим магнум опус.

Про создание этой песни я мог бы говорить долго, оно заслуживает того. Чего стоит хотя бы десяток наложений Натахиного голоса с разными эффектами. Она смеялась, пела, пугала... Когда я слушаю это в наушниках, её шёпот проникает слишком глубоко, я чувствую дыхание на самом сердце. Если у меня в старости будут с ним проблемы, я перестану слушать «Вич хаус». Как бы этот шёпот не стал причиной его остановки. Долой подробности, их слишком много, перейдём к последнему трэку. «Монохром».

Есть такие песни, короткие, без особых прибаамбасов, но, блин, прямо в голову прямым попаданием. К песне «Монохром» невозможно допридумать никакой аранжировки. Она стремительная и мощная. Почти вся на акустике, но властная. Она сама диктует: играй меня так, дотронься этой струны. Немного ниже.

Нельзя сопротивляться. Только один выход. И он же лучший, без изъязнов. В середине короткий проигрыш на басу, где не получится сыграть неправильную ноту, все – вот они, ложатся сами.

Наташа попросила сделать дубль записи голоса и спела идеально в унисон к первому.

– Как?! – спрашиваю я. – Все паузы, все акценты сто процентов, как в первый раз.

– Я пою её давно, и она мне очень нравится.

Вот она поёт первый раз припев, и всё – монохром. Мир одной краской, выбери любую и это будет твой мир. Сгодится любая. Выбор за тобой.

– Такой дубль лучше, чем если бы я копировал твой голос, а потом вставлял.

– Давай послушаем.

–... это божественная гармония. Аж в висках вибрирует.

Она поёт припев во второй раз, и краска сгущается и видны подтёки, ведь не всё так просто. Ты сделал ошибку, как ты мог? Я не при чём, почему нельзя все сразу?! Ты что, не знаешь правил? Я обречён?

– А какие-нибудь бэки ты не запишешь?

– Зачем?

Вот уж действительно, о чём я думаю? Два дубля, по разным каналам, и никаких эффектов.

Затем глубоко и тревожно пытается отдышаться уже упомянутый проигрыш, и когда она поёт припев в третий раз – восходит Солнце! И сгорает к такой-то матери вся блевотина и абсурд. Лучи вдруг слепят, но это не страшно. На короткий миг в мир приходят покой, справедливость и смысл. Миг проходит, но и этого было достаточно. Следующее упражнение: пафос. Раз, два, три, четыре, и раз, два, три, закончили.

Запись закончилась.

Да-а-а... сейчас, слушая музыку, я могу лишь повторить те чувства восторга и открытия, да и то, когда накроеет. А тогда я в этом жил.

Вот например, раньше я любил группу Uriah Heep. И как-то мне попался их юбилейный альбом, где они переписали по-современному свои старые хиты. Начинаю слушать. Мне не нравится, как записаны барабаны, но клавиши звучат отлично. Неплохо. Слушаю дальше – вновь отлично! Вот начинается шикарное «Июльское утро». Первое вступление – нагнетает; второе, затем куплет. Очень круто! И тут мы подходим... Что? Что эти гады сделали с первым соло на клавишах? Оно было идеально, зачем сочинять другое? Медленно и неотступно разочаровываюсь. А ведь старая, оригинальная версия была абсолютно гениальна, хоть и отвратительно записана. Ладно, в целом эмоции на месте, всё крепко и качественно. И вот финал альбома. Изюминка, практически выход на бис: «Женщина в чёрном». Начало ничего. Но зачем барабанщик вдруг стал играть такой сбивчивый ритм?! Я понимаю, скучно тридцать лет играть

одинаково, но при чём тут я? Вдруг я понял, что мне самому как-то неловко и неприятно придираться, и в тот день я больше не слушал музыку.

А вообще я считаю, что отношение к нашей собственной эстрадной сцене 70-х – 90-х сильно извращено. В то время, как наши самцы пели песни, на западе андрогинные рокеры носили лосины, гундося всё о той же несчастной любви. Но там рок, а у нас – попса? Возьму выше, всё тот же Казаченко, «Жёлтая ночь» – это размер Iron maiden, а «Больно мне, больно» – Queen, надо просто услышать. Но нет, зачем? Слышать это не модно, модно слушать.

Или вот, например, песня «Такси-такси» из раннего Николаева. Что за мощнейшая песня обречённости! ...Ты прости мне мои стихи; все, что были не о тебе. Вези, вези мимо чьих-то снов... Какая болезненная тоска о невозвратимом звучит в главном рифе этого хита. Да половина западного хард-рок АOR-а восьмидесятых куда большая бредятина, чем наша попса того же времени. Вся разница только в звуке гитар и нашем таланте забывать и не верить в свои заслуги. Не более.

И в этой шутке есть огромная доля правды.

Я нашёл «Рассвету луны» на постоянку отличного барабанщика. Олега. Очень крутого барабанщика и их ровесника. Всё шло, как нельзя лучше.

– У нас концерт запланирован во «Фридом-баре» через неделю. Успеешь выучить партии?

– Успею, – Олег был совершенно справедливо уверен в себе, ему тоже нравилась наша музыка, он был, как я.

И вот мы уже не просто репетируем – мы готовимся к выступлению.

2

Пять или шесть лет – это возраст, когда ребёнок уверен, что каждый человек занимается лишь тем, чем хочет заниматься, чем может и любит заниматься. Вот, например, я недавно нашёл в интернете выпуск "музОБОЗа" за девяносто второй год и получил массу удовольствия. Ведь я когда-то знал все эти песни и, что-то мне подсказывает, любил. Видел, может быть, этот же самый концерт в своё время, сидя на горшке, и принимал за чистую монету. И без сомнения был уверен, что всё это настоящие таланты. Например Игорь Селивёрстов. Ну какие у него там были девушки на подтанцовке! Они махали руками, прыгали ногами... я думаю, после съёмок они ещё минимум полчаса не могли отдышаться и прийти в себя: так круто и мощно они отдавались своему аэробическому танцу.

Особенно одна девушка в розовой толстовке. Она плясала прямо за Игорьком, поэтому часто мелькала на экране. Даже была пара крупных планов, и её улыбающееся лицо искренне убеждало, что все мои проблемы – пыль и ветер. Надо ли говорить, что я тут же влюбился в неё? Девчонка просто искрилась при каждом движении. Что же с ней стало? Кто она, этот очаровательный персонаж подтанцовки из доисторического девяносто второго года? Кто они, все, для которых цель, судя по видео, дотанцевать – и умереть.

Возможно, многие из нас никогда по жизни не станут даже подтанцовкой.

Как-то я играл со своей первой группой в том же фридом-баре. Там была ещё пара местных групп и какие-то пятисортные хэдлайнеры из Москвы.

Звукорежиссёром на всех подобный тусах был один и тот же человек. Его звали Никитой. Одно время я был от него без ума. По кличке "Злой", он обладал каким-то магнетизмом и молниеносно располагал к себе людей. Друг всех друзей. Главный его минус – это непостоянство. Слишком многим он был нужен со своим оптимизмом в глазах и поступках, поэтому при смене периода его жизни, менялись друг и девушка.

Москвичи играли дурной, но громкий музон, и хорошо уверенно двигались.

– Вот это совсем другой уровень, – похвалил их Злой.

– А мне наши больше понравились, – говорю я.

- Да ну! Деревня. Видно, что отстой.
- Чем же столица хороша? Пошлятина и бред. Громкие только что.
- Хороши и громкостью, и видом, и слаженностью и мерчем, всем в общем.

А мы играли так. Первая, вторая песня, и тут вокалист, сволочь, сел на колонку и головой подрагивает в такт музыке. Какая музыка, кокой уровень?! Всё! После этого играть что-то – уже какой смысл? А ведь это был отличный номер. О музыке тут бесполезно, но вот текст песни «Пять минут».

Пять минут для вечности – ничто,
Пять минут – так много и так мало.
В пять минут немыслимо легко
Повторить свои мечты сначала.
Это время начинать свой путь,
Первый номер и дорога в небо.
Убивать, чтобы скорей уснуть.
Умирать, чтобы остаться светом.
Припев:
Разрушение и взлёт – за пять минут.
Стать охотником. И жертвой обернуться.
Пять минут не гонят и не ждут.
Пять минут уйти...
Уйти и не вернуться.

Главный минус – это повторы одной мысли разными словами. Видно, что текст не редактировался, что он был написан за один присест, когда у автора случилась вспышка озарения, но тем он и хорош. В нём есть молодая и дерзкая жажда победить или сдохнуть всеми смертями сразу. Чувство обречённости вместе с желанием мечтать и рисковать хоть не в жизни, так в песне. Возможно, автор возбудился от сочинения этого гимна, загорелся, а потом пошёл, заварил себе чай и включил телевизор. А второй куплет ещё круче. Если бы я снимал фильм про какого-нибудь эпичного героя типа Гильгамеша, эта песня была бы у меня на финальных титрах

Пять минут от ярости гореть
И мечтой остаться в авангарде.
И не верить в чокнутую смерть,
От тебя отставшую на старте.
Как бы ни было, победа за тобой,
Даже если сложно дотянуться
К солнцу холодеющей рукой,
Чтоб уснуть и больше не проснуться.
Припев:

Этот текст, как моя игра на басу, и вообще он похож на меня: вот фраза суперкрутая, а вот только для рифмы. И не верить в собственную смерть, от тебя отставшую на старте... Добавить нечего. И как можно во время исполнения этой песни сесть посидеть или в проигрыше, пока Антоха зажигает, стать столбом, просто опустив микрофон?!

Но в целом к чему я это говорю, и при чём тут «Рассвет луны»? А это всё, как пример нежелания работать над собственным произведением и разбазаривания потенциала на позёрство, а так же для противопоставления простого творчества необъяснимой тайне человеческой харизмы.

На собственный концерт Наташа нарядилась в колготки в сеточку и узкое чёрное платье, так что не придерёшься: то ли штамп, то ли классика. Я ей говорю: «Если захочется водички попить или посидеть чуть-чуть – смотри, не вздумай. Выйдешь из образа – всё пропало».

– Да я знаю! Что ты хоть? – отвечает она.

У нас на разогреве играла дружественная группа. Их гитарист верит в то, чего нет. Например, в то, что он талантливый музыкант с хорошим вкусом. Лучше б в антропоморфного бога на небесном троне верил, честное слово. Как-то он сделал клип на свою песню с псевдорелигиозной философией и включил в него кадры с убитыми детьми и атомными грибами. Понимаю, круто, когда в твоём клипе на соляке бомбы рвут, подчёркивая, что вот сейчас идёт кульминация. Но в какой степени надо этим кадрам соответствовать? А когда автор аккорды только год назад перестал путать, выходит жалко, убого и кощунственно.

Но вот пришла пора и нам выходить на сцену. Пока мы удобно вешали гитары на шею, Никита фоном включил симфонический эмбиент.

– Давайте, какое-нибудь вступление придумаем? – позвав меня и склонившись на барабанами с Олегом, предложил Семён.

– Давай, отлично, вовремя.

– Как это?

– Коротенькое вступление. Пока все успокоятся, заметят, что мы уже играем. А потом сразу «Андер вотар».

– Ясно, – говорю. – Скажи, что за аккорды, а я что-нибудь сымпровизирую.

Олег всё ещё в замешательстве. Говорю ему.

– Ой, тебе-то беда! Послушал – постучал.

– А что стучать?

– Что подскажет тебе совесть.

Семён начал играть фа диез. Нет, пальцы как-то не так... А нет, фа диез, это он просто уже выпендривается.

Нас окружал сигаретный смрад и туман. Это было хорошо. Это значило, что сегодня здесь есть кое-какие люди, которые услышат и увидят наше вызывающее невероятное шоу. Завсегдатаи заведения окружали бильярд, Друзья и одноклассники «Рассвета луны» скромно сидели за столиками, вошедшие случайно толпились у барной стойки.

Уже к концу первой песни двое незнакомых чуваков, раздетых до пояса, зажигали у самой сцены. Их лица светились радостью, руки стремились в полёт, но неустойчивые ноги тянули их вниз.

– Добрый вечер, мы «Рассвет луны» – поздоровалась Наташа. Она говорила не так: «ДОБРЫЙ ВЕ-ЧЕР!!! МЫ «Р-Р-АСВЕТ ЛУНЫ-Ы-Ы!!!». Она говорила совершенно спокойно, что после такой качёвой и крикливой песни было, скорее всего, правильно. Но дальше её понесло.

– Сегодня необычная встреча. Мы как бы отмечаем, хотя это, наверное, громко сказано, что в недавнем времени у нас вышел мини-альбом.

Это тот, который я за две ночи на ноуте смастерил.

– Пусть плохого качества. Записанный не на студии. Но всё-таки наконец-таки он появился! Мы назвали его «Андр втр», по названию первой песни. Мы убрали оттуда все гласные, а все согласные – это начальные буквы других наших песен. Например, Д – это «Дракула», сердце нашего альбома, синкопа, к которой тянулись все наши песни... Так что если вы его ещё не слышали...

Чувак с голым торсом наконец-то заорал: «Рок-эн-ролл! Рок-эн-ролл!!!»

– Спасибо, но можно меня не перебивать? Я думаю, мы продолжим.

– Раз, Два, Три: РОК-ЭН-РОЛЛ!!!

– Ещё раз отметим, слава богу, мы хоть что-то записали. И продолжим с песней...

И мы продолжили.

После концерта я подошёл к Никитосу, он в этот момент разбирал провода.

– Ну, как тебе?

– Охрененно выступили.

Это было откровение человека, для которого все наши – деревня. Такая оценка кое-что значила.

Не поймите меня неправильно. Есть группы, где соляки лабают виртуозные и звучат мощнее, и ещё много чего другого имеют в наличии, но целое не равняется сумме отдельных частей. Зачем вообще собирать рок-группу, если уже были Led Zeppelin? Сделайте что-нибудь другое. Как целое «Рассвет луны» был неповторим. Тогда мне казалось, что мы были гармоничны а это альфа и омега, основа и главное условие существования любого коллектива.

Стоим полукругом в малюсенькой гримёрке. Наташка накинула на плечи куртку. Ничего нет божественной потной девушки, возбуждённой от того, что только что танцевала и пела собственные песни. Если бы ещё молчала в перерыве между ними.

Ваще отлично! Один из лучших концертов, где я играл! – кричит от возбуждения Олег. Да, всё было отлично, – кивает Семён.

А какие у вас вообще планы на будущее? – интересуется барабанщик.

Мы играем уже три года, – улыбается Наталья. – Это всё, чем мы хотим заниматься.

Не добавив больше ни слова, они как-то ненавязчиво ушли к своим друзьям, а мы с Олегом потоптались у бара, подождали, поболтали с теми и с этими и, не дождавшись больше внимания Семёна и Наташи, немного фрустрированные поехали по домам.

– Алло, – позвонил мне пару дней спустя гитарист, – мне сегодня передали видео с выступления.

– Отлично! Когда же ты передашь его мне?

– Приходите лучше вы к нам в мастерскую. Посмотрим вместе.

Ого, да мы, похоже, становимся настоящими друзьями!

– Вот. Замечательно. Олегу ты уже сказал?

– Конечно.

Семён назвал адрес. Они с Наташей жили вместе и называли своё жильё мастерской. Мы встретились с Олегом в уговоренном месте и начали искать обиталище наших товарищей. Пришли к узкой улице, недалеко от центра, но безвозвратно заброшенной. Нужный нам номер дома нашёлся ближе к реке, у слишком крутого, непригодного для прогулок берега, покрытого сорными зарослями американского клёна и непроизвольной свалкой.

– Привет, – вышел Семён. – Вы не против, если мы немного тут постоим, Наташа пишет стих.

– Чего? – удивляюсь я. Поваяло декадансом. В голове заговорил голос какой-нибудь дамочки времён Серебряного века: «Ах, оставьте: я пишу стихи!»

– У неё загорелось. Говорит, что-то очень хорошее вертится на языке, в такие минуты к ней лучше не подходить.

– А это надолго у неё? – спросил Олег.

– Ага, – подхватываю я. – А то уже стемнеет, мы уже на кортах уморились сидеть...

– Посидели, и такие: ну ладно, пацаны, всё пока, хорошо пообщались...

– ...И тут такой визг: «Получилось!!!»...

– ... «Он живой!!!»

– Ага, ха-ха!

– Да нет, я думаю, пару минут, – спокойно отвечает на это Семён. – Ей главное зацепиться. Сейчас я пойду посмотрю, что она там.

Он уходит, мы с Олегом переглядываемся, не скрывая улыбок.

– Сейчас ему сковородкой по башке, пинком под зад: ты всё испортил! – шепчет Олег, но сразу же возвращается Семён и приглашает нас войти.

Их жильё находилось на первом этаже, врытой до самых окон в землю полуземлянки. Второй этаж, деревянный и немного покосившийся, выглядел опасно. Семён проводил нас внутрь через дырявый и вонючий коридор. Его комната была длинная и имела узкий проход

посередине, потому что с одной стороны вдоль всей стены тянулись массивные стеллажи с книгами разных времён, и тут же был приставлен диван-развалюха, а с другой громоздились столы и стулья, кухня, комбик с гитарой, холодильник. То есть интеллектуально-спальная часть и насытно-деловая. А ещё три глубоких арочных окна и огромная картина во всю стену.

– Где ты нашёл такую хату? – восхищаюсь я.

– Отец разрешил пожить, – как всегда спокойно отвечает Семён, но чувствуется, что он горд своими апартаментами.

– Я бы в восемнадцать лет за возможность жить в таком логове, наверное, сказал бы: «Тащите мне зуб без наркоза».

Гордость Семёна увеличивается.

– Ну что, сочинила? – задаёт вопрос Олег.

– Почти, – ни на секунду не включая самоиронию, отвечает поэтесса. – Это можно будет потом использовать. Я никогда не пропускаю мысль.

– Английскую? – уточняю я.

– Какая разница?! Хорошая идея не знает языковых барьеров, – видно, что Наташа вдохновлена и готова оскорбиться, поэтому я не продолжил, а снова обратился к нашему хозяину.

– А на втором этаже кто-нибудь живёт?

– Да, дед с бабкой.

– Твои?

– Нет, чужие.

– Иногда они на нас орут, – жалуется поэтесса, медленно выходящая из транса путём причёсывания.

– Что ж вы такое делаете? – интересуется Олег.

– Играем, поём, плохо закрываем входную дверь...

– Я знаю, ты не будешь продолжать, но всё равно скажу: не продолжай.

– Так всё-таки по поводу поём-орём, давай видео смотреть. Включайте уже! – требую я.

Мы рассаживаемся перед малюсеньким ноутбуком и ждём. Вот пошла картинка и сопровождается её гадкий звук встроенных колонок. В доме не было ни нормальной акустики, ни переходника для подключения комбика. Я боялся, что ничего не будет слышно, что моего баса вообще не будет слышно, однако он пробивался ровно настолько, чтобы удовлетворить моё первое нестерпимое любопытство.

Посмотрели вступление и первую песню.

– Вообще-то неплохо.

– Да, так кое-где недочёты.

Подшли к монологу про Дракулу и синкопу. Смотрю на себя: не ожидал, что у меня в тот момент была настолько кислая рожа. Ну правильно, а нафига она это рассказывает минут десять? Альбом, значит, записали. Ни тебе спасибо... он же плохого качества, типа косяк, но хоть что-то.

– А можно перемотать? – гримасничает Наташа.

Всем понятно, почему она это просит.

– А вы мою запись тоже через эти же колоночки слушали? – догадываюсь я

– Да.

– Вы ж тогда там ни черта не разобрали, вам не интересно, как я там всё смикшировал? Не пробовали в наушниках, например, покачественнее послушать?

– Тихо! – обрывает Олег, его-то в записи не было, поэтому он не понимает моего возмущения.

– А ещё этот придурок с голым пузом постоянно меня перебивал, – пожаловалась певица.

– Наташ, это наш первый незнакомый фанат, а ты его так грубо... – упрекаю я.

– Алкаш какой-то.

– А ты думаешь, все твои потенциальные поклонники красивые, образованные и в бабочке?

Смотрим дальше.

После второго номера последовал очередной монолог о том, что следующая песня называется «Декабрь», и почему декабрь стал судьбоносным в её жизни. Конечно же мы перемонтаем, какие вопросы! Наташа, помню, очень хотела спеть эту песню, но так как плохо помнила слова, стояла с листочком. К её чести надо сказать, она обыграла этот конфуз: листочек читался со слезами, грубо сжимался в руке, прикладывался к груди.

– А если я следующий раз буду с бокалом в руке?

– Или с черепом.

– Бедный Йорик.

– Вот это всё сейчас была дикая пошлятина.

К четвёртой песне у сцены отрывался добрый десяток человек разного возраста, ну а мы смотрели дальше, и дальше, и дальше, затаив дыхание, чтоб ребята с видео не облажались.

И вот в самом конце финальной песни, на последнем «та-дам» она бросает обворожительный взгляд в зал: и реснички, и бровки, из глаз солнышко светит, и носик вздёрнут. А ещё она улыбнулась. Девочка радуется, девочка прекрасна.

– Вот это прям можно на gifку, – довольно говорит Семён.

– Да, сделайте мне такую gifку! – подхватывает Наташка.

Концерт закончился, точнее все видеодайтабы были просмотрены. Насколько круто это было играть, настолько же круто это было смотреть. Кто эти классные парни с гитарами? Как зовут их вокалистку? Когда следующий концерт? Я хотел посмотреть на себя со стороны, чтоб увидеть свои недочёты, но при первом взгляде обнаружил крепко сбитый и мощный материал, с которым будет приятно работать и работать.

Мы расслабились. На нас приятно действовала уютная атмосфера из книг, молодого разгильдяйства и осознания собственной значимости. Стали обсуждать новые песни.

– Мне сейчас из последних больше всего нравится «Колыбельная».

– «Испанская» офигенная.

– Да, она... очередная. Не говорю обычная, а есть очередная, а есть «та самая». Она крутая, не спорю. Но в «Колыбельной» есть разброс. Она с первой ноты заставляет слушать. Она тебе не нравится, потому что в куплете твоих барабанов нет.

– Я не говорил, что она мне не нравится! – отнекивался Олег.

– Сень, как тебе аранжировка?

– Нормально.

– Нормально? – удивился я. – Песня получилась длинной, но не нудной, разноплановой.

Там есть, что попеть и где поиграть. Наташ, тебе как?

– Мне нравится.

Я был немного сбит с толку. На мой взгляд «Колыбельная» выходила шедевром.

– Перемена ритма в середине песни уже не модно, – сказал Олег.

– Это не модно, когда это не круто. А там всё вышло органично. Типа: «Вот я спою колыбельную», а потом вот она, сама колыбельная. Наташ, а что ты там поёшь, кстати, фальцетом, когда идёт эпичная часть?

– Ave Maria.

– Да? А я думал, ты просто «О-о-о-о-о!»

– Я думаю, что простые подвывания без слов правда лучше, – подтвердил Семён.

– Да, – согласился я. – Олег?

– Что?

– Ты как думаешь?

– Мне всё равно.

– Тебе просто не нравится перемена ритма в середине!

– Нет, мне нравится, когда это не часто!

– А у нас что, часто?! – не на шутку удивляюсь я.

– Нет! Но одного раза будет достаточно.

– Всё, договорились, – сдаюсь я. – Блин, как же с тобой трудно договориться. – Это как книжку читаешь, вчера нравилось, а сегодня погода плохая или на работе замахался, а в книжке всё одно и то же, как вчера: и так всё понятно. Автор не допускает возможности, что у читателя поменялось настроение. Нет, чтоб поменять тональность, или темп ускорить, или вставная новелла, побочная сюжетная линия. Каждая глава как отдельная песня. Роман в стиле нео-прогрессив-пауэр-реализм... Я тут же вспомнил «спид-трэш-хэви...», как у Антоши.

Ночь шла полным ходом, переходила в минор, надо ускоряться. Наташенька была уже сонная. Она скрылась в кладовке и через пять минут вышла к нам раздетая в какую-то ночнушку с тоненькими бретельками. Наряд этот слабо скрывал попку. Я старался отводить взгляд, гляжу на Олега, а он старается ещё заметнее. Она села на диван. Что думает Семён? Он ей скажет, зачем она переделалась при всех, или нет?

Мы посидели, вызвали с Олегом такси, поговорили с ребятами обо всякой чепухе в ожидании машины, а потом вышли, споткнувшись в прихожей об дырявый пол, и уехали с мыслями о красивом, а ещё о творческом будущем.

Но любить – это обладать и разрушать. Всё остальное уже не любовь, а что-нибудь другое. Не менее замечательное, чем эта ваша любовь, но точно не она. Олег прозванивал всех друзей, просил поднять старые связи отца, который сам в юности был музыкантом. Я досконально продумывал режиссуру песен, пытаясь построить, как мне казалось, незаурядные, но и без излишеств вещи. Тогда как Семён и Наталья вдруг стали назначать репетиции всё реже и реже. Мы с Олегом становились всё требовательнее на репах, и доканывали их в соцсетях на тему, что будет дальше, о чём они думают, обсуждали расклады, летние фесты для молодых групп и другие возможности. Мы просто давили на них, порой, признаюсь, грубо, потому что надеялись, но вера таяла в пассивности. Чем дольше они медлили с ответами, тем сильнее становился наш, теперь мне кажется, лишний напор, граничащий с агрессией.

Сначала репетиции отменялись из-за того, что Наташа заболела, потом, что у Семёна сессия.

– А у меня что, не сессия?! – негодовал Олег. – Он сидит и учит целый день? Не поверю, что на два часа нельзя выбраться!

– Ребята, – пишу я им, – надеюсь, выступление во Фридом-обрыгаловке не было изначально вашей конечной целью?

– Конечно нет))))))))) – пишут они мне в ответ. – Просто сейчас очень много дел навалилось.

Короче, они увидели в тот вечер себя со стороны, насколько они, насколько мы круты, и сами этого испугались. Проще ведь было ходить с лицом непризнанного творца, а когда все взаправду орут: «Ребят, охеренно ваще!», вступает в силу закон «а дальше что», а ещё действует голливудский штамп «а что, если я не смогу управлять своей силой?» Злоба копилась, как вдруг Олег сообщил, что договорился по знакомству с какой-то студией на запись трех-четырёх демок, которые конечно же станут нашим паспортом, товаром-лицом в мире музыкальной индустрии.

Пришли. На входе переобулись в местные одноразовые тапочки. Белые стены. Чистота, блеск и порядок. Огромный микшерный пульт. Рядом на столе помимо мыши и клавиатуры, стояло три монитора, а ещё такая куча оборудования, что за космосом, я думаю, следят с меньшим количеством кнопочек, лампочек и крутилочек. Несколько комнат, инструменты, две барабанные установки, все провода аккуратно сложены. В углу на стойке красовалась мечта –

шестиструнный бас. Интересно, что для этих людей важнее: смысл музыки или качественный звук?

Последовал ряд увёрток и дежурных вопросов: а что, а как, а зачем? Но в итоге мы сказали, что запишем четыре песни, о дате договоримся позднее.

Мы раскланялись, вышли, в воздухе висела какая-то гадость, мы разошлись.

Молодость – это время, когда самые лучшие и неожиданные идеи приходят просто так, безо всякого усилия, а ты их не просто не запоминаешь, не конспектируешь, а как-то даже отмахиваешься: не мешайте мне бездарно проводить время. В молодости кажется, что времени очень много, а на самом деле она и длится-то два-три лета, да пара недель весны и осени. Что это было? Вспомнят ли они меня? Вспомнят ли, что мы записали: это лажа, а тут надо было по-другому?

Вот вам целая история одного из ярких моментов. Правда, сюжет не очень, и кто здесь главный герой?

Я как-то встретился с Семёном.

– Она мне сказала, что любит его уже давно. Сказала даже... Помнишь ту её очаровательную улыбку в зал, когда мы смотрели видос с нашим сейш'ном? Она улыбалась тогда ему! Он был в зале!

– О... дружище, мне так жаль. Могу представить, как печально, когда узнаёшь, что твоя девушка драная сучка.

Затем мы долго не репетировали. Однажды я узнал, что они расстались, и ролевая игра в рок-группу закончилась, оставив после себя несколько записей на моём компе. Возможно, что при должном внимании, это и правда вышла бы неплохая музыка. Но прошло время, гитары забылись, и я решил, что для меня заниматься творчеством лучше в одиночестве.

Глава 2 «Тафаки»

Случилась такая штука: я устроился на работу слесарем и это очень на меня повлияло. Особенно то, что среди слесарей можно встретить людей начитанней, чем завучи в некоторых школах. Нет-нет, вот тут у меня ни разу не клише под названием слесарь-интеллигент. Слесарь – он слесарь и есть, тут ничего не попишешь: водка, матерщина и тяжёлый, никем не ценимый труд. Но там, в красном уголке, я увидел шкаф с найденными в мусорках и под теплотрассой книгами, а в той школе, где я успел поработать, библиотека так и осталась для меня террой-инкогнитой. Я произвёл ревизию в этом шкафу. Книги были самыми разными: от советского романа «про жизнь» и агитмакулатуры до умопомрачительно крутых и редких изданий. Вот например: Гауф, пятидесятых годов, зарубежное издание на языке оригинала, с гравюрами; или огромные перепрошитые сказки Грузии, академия наук грузинской ССР, Тбилиси, 1971г. (откуда это вообще появилось? Такое выбрасывают, да). Но больше всего я был заинтригован, когда Папашка (он же Виктор Николаевич) притащил в двух мешках из-под картошки кучу интереснейшей выброшенной букинистики. Среди прочего были семисотстраничные «Сказки и мифы Океании», издательство «Наука», 1970г. Надо ли говорить, что такое было издательство «Наука»? Это были не просто сказки и мифы. Кроме них там были статьи обо всех островах, обо всех племенах, как они спали, что ели, в чём ходили.

Вечером книга навсегда стала моей. Я заклеил корешок, а потом читал её. Мифы – это дело серьёзное. Мифы – это не когда кто-то говорит: «Они должны учить детей любви и понимание (ну или чему там у обывателей должны учить мифы и сказки), а это (любой сборник с мелким шрифтом) издание очень жестокое!» Ну-ну... Сказки, вы поняли, для чего вы нужны детям? Почему вы такие жестокие? Что значит, не в обработке?

А поскольку я уже несколько месяцев находился в состоянии написания романа и вновь, как раньше, размышлял о литературном таланте, находка этой книги не могла остаться без моего творческого переосмысления. Это всё сарказм, сарказм – не более.

И я написал:

«Тафаки»

Полинезийский миф.

А потом, чтоб окончательно рухнуть в психоделику добавил джим-моррисоновский эпиграф: Ночи лучше я не видел,/И хотя жену себе не отыскал,/Все друзья мои – вот они, рядом.

1

У Тафаки убили отца, и он не мог больше ни о чём думать. Уже давно он не жил в той хижине, где когда-то мать пересчитывала своих пляшущих детей и не могла взять в толк: откуда взялся этот, лишний. Но несмотря на это он помнил и ценил своё детское воспоминание о жизни в деревне. Там он встретил отца, который ещё не знал о своих детях.

Тафаки рыбачил с братьями жены на другом острове. Жена Хинепири родила ему детей, но чего-то не хватало, что-то, казалось, было не так. Между детством, юностью зрелостью лежат границы со смертями, подвигами, ритуалами, песнями. Так было и сейчас. Прошла озорная юность, когда Тафаки говорил словами героев-мореплавателей: «Женщина! Неужели я мало сделал?! Я могу поймать такую большую рыбу, что вы её не съедите, и она протухнет». Когда он узнал, что всю деревню вместе с отцом перебили Панатури, слова закончились. Тафаки целые дни ходил грустный и задумчивый, но что было главным в его мыслях – невозможно даже представить.

После того, как он признал себе, что никогда не сможет на рыболовный крючок вытащить на поверхность остров, известие о смерти отца и матери стало вторым самым печальным событием в его жизни. Но прошлый раз он не переживал так сильно. Расстаться в мыслях с целым островом оказалось легче, чем с одним человеком.

Когда же началась история его мести? Где начало того пути, став на который, простой человек не представляет его длину, преграды на нём, а уж тем более того, что будет в конце. Ложные пути бесконечны. И только верные заканчиваются смертями, подвигами, ритуалами...

Это началось совсем не тогда, когда кости отца рухнули на землю в бессилии многое переиграть; и не тогда, когда Тафаки узнал об этом – событие такого масштаба значительно само по себе, отвлекает на себя всё внимание, и не получается делать никаких выводов, строить планы или связывать их с чем-нибудь другим.

Всё началось в тот день, когда Тафаки отправился с четырьмя братьями своей жены ловить рыбу на риф, выступающий далеко в море. Хинепири раньше никогда не беспокоилась о своём муже, ведь он был смел и ловок. Но память людей коротка – и когда она занята мёртвыми, могут случиться самые странные вещи: можно забыть, как пользоваться сачком, или разучиться плавать. И память подвела... только Хинепири оказалась права не совсем. Память подвела не Тафаки, а её братьев.

Сам Тафаки в тот день был, как и всё последнее время, задумчив и грустен, и движения его были медленны. Рыба ускользала от его копыя, а он был как в полусне и даже не мог удивляться. Братья от этого раздражались, у них у самих ничего не получалось, – они раздражались ещё больше.

И вот двое из них утомились и отправились домой, а с ними и Тафаки. Когда же они ступили на землю, братья накинулись на своего зятя. А когда подумали, что убили, бросили и закопали в песке. Подобные им люди живут только сегодняшним днём и для сегодняшнего дня готовы совершать такие поступки, от которых пришли б в ужас вчера и которым не поверили б завтра. Но жена Тафаки Хинепири была ещё и сестрой таких нетерпеливых братьев. Ни о чём не подозревая, она спросила у вернувшихся домой: «А где мой муж?»

Что-то помешало двум мужчинам честно сказать женщине: «Он стал нас раздражать своей неловкостью, и мы его убили». Они склонили, но тут же распрямили головы – не испачкана ли их одежда – и ответили: «Он ещё в море с другими двумя братьями». Память подвела их. Но не так, словно они забыли, что они сделали с Тафаки, а так, что они забыли, каким Тафаки был ещё совсем недавно – сильным, смелым и удачливым. И если бы перемены в нём

происходили медленно, то никто и не подумал поднимать на него руку. Но перемены произошли стремительно. Бег времени подвёл Тафаки, сделав его старым в одночасье.

Будучи сестрой лжецов, Хинепири не заподозрила лжи и даже не придавала значение жесту неловкого опускания головы. Сердце ничего ей не подсказало, ведь под ним рос третий ребёнок её и Тафаки, оно было занято другими делами. Поэтому Хинепири продолжила свою повседневную работу.

Но вечером вернулись домой другие два брата и на вопрос: «А где мой муж?» – они, ничего не подозревая, честно ответили: «Он уже давно ушёл домой с двумя братьями». Тут же они сами заподозрили неладное, вывели тайну у виновников и, мысленно став на их сторону, думали, как бы поступили они.

Недоброе поглотило Хинепири с головой и с сердцем, и она побежала искать мужа. Она долго бродила по берегу, плакала так, что уже начало темнеть. Вдруг услышала стоны, нашла и выкопала Тафаки из земли. С большим трудом она перенесла его домой, но как в полной темноте осмотреть и перевязать его раны? Она легла с ним, чтобы согреть, – дать почувствовать себя в безопасности. Дети просыпались, но, чтобы не тревожить их ночью и дать им выспаться, она искусно меняла беспокойство на беспечную весёлость, убаюкивала их.

Чуть забрезжил свет, Хинепири твёрдо решила никого не впускать в хижину. С солнцем она уже ничего не скрывала от детей и послала старшего за водой и листьями. Мать доверила сыновьям свой секрет не раздумывая, но не показала им отца, чтобы они не запомнили этого. Если дети поймут всё как надо, то кому ещё нужно доверять? Кровь подскажет им.

Через несколько дней, когда Тафаки немного пришёл в себя, он сказал жене: «Принеси топлива и разожги огонь».

Хинепири вышла из дома и увидела недалеко высокое тонкое дерево вполне подходящее для костра. Она срубила его, потащила к дому и увидела, что Тафаки сидит у входа.

– Ты уже встал? Сейчас я разрублю это на брёвна.

– Нет, положи его прямо здесь и жги целиком.

Хинепири послушалась, и вскоре запылал костёр.

– Если родится сын, – сказал Тафаки, – назови его Вахие-роа (в переводе «Длинное Бревно Для Огня»), чтобы ни он, ни мы никогда не забыли этот день.

Что же Тафаки хотел помнить? Когда Хинепири вышла за дровами, он полежал в тишине и поклялся отомстить своим вероломным родичам. Но вдруг словно вспышкой озарило его мысли. Он задумался: «Я жив и хочу им отомстить. Почему же мой отец мёртв, а я всё ещё нахожусь на другом острове? Кто я для этих людей, и что я здесь делаю?»

И именно тогда Тафаки прозрел душой, откинул лишнее и сделался стремителем, как настоящий вождь. Память об отце и его смерти от чужого племени вдруг придавала ему столько сил. Во много раз больше, чем недавно отнимала. И он пришёл утром к Большому дому звать людей со своими семьями уходить вместе с ним из этого селения. Многие воины за ним пошли.

2

Много-много лет назад Тафаки был ребёнком. Вспоминая то время, он думал, что у него два тела. И две души. Но как, имея два разных тела – маленькое тогда и большое сейчас – и две души – наоборот: большую и маленькую, – он тогда был и сейчас продолжает оставаться всё тем же Тафаки?!

Три его старших брата жили с матерью Урутонгой в одиночестве на берегу большого острова. По вечерам они собирались в своём доме. Дети танцевали, а мать смотрела на них и радовалась. Лишь один единственный раз вместо того, чтобы петь и хлопать в ладоши, она, наблюдая за сыновьями, вдруг начала пересчитывать их. Она показывала на каждого мальчика своим ещё молодым пальцем и называла имя. Этот сумбурный и на первый взгляд ничего не значащий пересчёт изменит много в её жизни. Всё начинается с малого. Но Урутонга не

была философом. Она была практичной женщиной и именно поэтому доверила свои сомнения цифрам.

– Первый – Таха. Второй – Рохо. Третий – Вахо.

И тут она сбивалась, потому что из-за знакомых спин поглядывал ещё один ребёнок, совсем маленький. Урутонга начинала считать заново.

– Первый – Таха. Второй – Рохо...

Женщина запнулась, потому что уже на «второй» догадалась, что счёт снова не сойдётся.

– Откуда же взялся четвёртый? – разводила она руками.

– А я тоже твой сын.

– Здесь только мои дети, а тебя я вижу сейчас впервые.

– Ты родила меня – неужели не помнишь? – и бросила в пену прибой, обернув своими отрезанными волосами.

Урутонга удивлялась всё сильнее и слушала дальше.

– Меня окутали водоросли, и я перекатывался по волнам. Медуза прикрыла меня своим телом от мух и птиц. Так меня прибило к берегу, и мой прародитель побежал ко мне так быстро, как только мог. Он обогрел меня и спас у своего очага.

В этой самой неправдоподобной части своего рассказа Тафаки говорил иносказательно. Что обозначала медуза, волосы матери, старик, который очень быстро бегают, поймет не каждый, кто услышит, а лишь тот, – в данном случае та – кто должен услышать. Что скрывается за ужасающей тьмой мифа, и как научиться этим жить, думать этим? Увы, мы лишены этого дара... Нам уже не никогда до конца не понять, как человек дышал бесконечной глубиной своих обрядов и иносказаний, как пользовался этим. Слова к тому же обозначают больше, чем называют. То, что порой хочешь или не хочешь сказать, посредством слов трансформируется в особые образы, которые подобно волнам ходят в океанах и бьются о берег восприятия собеседника. Это магия, абсолютно осязаемая; со временем меняется лишь отношение к ней.

– Ты действительно мой младший сын! – сказала Урутонга. – Пойдём спать со мной, чтоб я могла вдоволь на тебя наглядеться.

И тут женщина совершила свой первый наивный просчёт. Хотя можно ли назвать это просчётом, если он сыграет в пользу её ребёнка. Однако если отбросить далёкое будущее, которое на тот момент ещё даже не существовало, её предложение и было настоящим просчётом. Предложив младшему сыну спать рядом с ней, она невольно заставила старших мальчиков позавидовать ему. Они дольше знают свою мать, чем этот выскочка. Они дольше любят её, но им она никогда не позволяла спать рядом с собой.

Им вдруг захотелось тех же почестей, что и новоприбывшему брату. Такие моменты бывают с каждым. Но как смешон человек! Сначала он ни о чём и не думает, а потом удивляется, как он без этого жил. Сначала он переживает, что у него ничего не будет, а потом, что ему нечего хотеть. Иногда же лучше, чтобы некоторые мечты так никогда и не сбылись.

Но мальчики завидовали: «В нашем рождении сомневаться не приходится. Раньше она кормила нас грудью и укладывала спать на мягкие циновки, а теперь, когда мы стали старше, даже не приласкает. А этот! Может он вскормлен водорослями или ещё чем. Может он и не её сын! Можно ли поверить, что он брошен в море и не утонул? А теперь этот маленький хитрец смеет называть нас своими братьями!»

Но тут в спор вступил Таха, самый старший:

– Ничего, пусть он тоже будет нашим братом. Пока не поздно, вспомним, как говорят взрослые: «С другом спор решай мирно, а с врагом – войной». Давайте постараемся, чтобы между нами не было вражды, и пусть чёрные мысли покинут нас здесь».

И пристыженные братья согласились и оставили своё недовольство.

Однако не взошло ещё солнце, а случилось ещё кое-что. Урутонга проснулась перед самым рассветом, когда мальчики спали, и покинула дом. Утром все заметили, что её нет.

Старшие привыкли к отлучкам матери, но Тафаки очень огорчился и целый день тосковал. Вечером женщина вернулась. Все снова танцевали и пели, и на ночь Урутонга позвала Тафаки: «Пойдём спать, малыш». И утром всё повторилось, но никто снова не удивился.

Тафаки было странно, непонятно, куда уходит мать. На следующую ночь он подкрался в темноте к спящей и стащил с неё юбку, которую тут же разорвал в клочья. Этими лоскутами он заткнул все щели в доме, а сам стал ждать.

И вот настал рассвет. Обычно в это время ноги спящих в одном углу уже видны из другого угла. Урутонга проснулась, но в доме было темно. «Какая длинная ночь», – подумала она и опять уснула. Тафаки то проваливался в сон, то снова приходил в сознание, но когда мать вскочила на ноги, отдернула занавески и ужаснулась, мальчик уже был совсем бодрым.

Урутонга, заметив, что на ней ничего нет, схватила кусок циновки и со всех ног куда-то побежала. Это был её второй просчёт, ведь маленький Тафаки следовал за ней до тех пор, пока мать не выдернула пучок травы и скрылась в образовавшейся ямке. Некоторое время мальчик думал. Он был ещё достаточно мал, чтобы не быть пугливым. И он был достаточно мал, чтобы быть пугливым. Точнее Тафаки ещё не знал, что такое страх и не мог точно сказать, опасается он предстоящего преследования или нет. Что-то в этом было: загадка, любовь, тревога и детское чувство погони. Разгорячённое чувство, когда уже нельзя остановиться, и мысли заменяются инстинктами. Детскими, а значить наиболее звериными.

Тафаки двумя руками схватился за куст, выдрал его и прыгнул в нору головой вперёд. Как червяк, как ящерица он врывался в узкий лаз, и был готов поверить, что в этот самый момент он и был на четверть или даже наполовину червяком. Как же здесь прошла мать? Может она тоже умеет менять облик? Так Тафаки ещё раз столкнулся с магией, но кто может со всей уверенностью сказать, что мальчик вырвал тот самый куст и не роет новый ход своей же головой?

Наконец, достигнув выхода, Тафаки распрямился, стряхнул с себя рыхлую землю. Его глазам предстала новая огромная страна: ходили люди вокруг разных домов и хижин. Он залез на дерево манапау и стал смотреть. Людей было много и их лица трудно было разглядеть. Но лицо матери разглядывать и угадывать не надо было: она – вон та женщина, что лежит с женщиной вдалеке ото всех, на ней вместо юбки кусок циновки. Обрадованный Тафаки слез с дерева и подкрался к Урутонге. Он слушал, как мужчина и женщина ласково называют друг друга по именам, и хотел послушать ещё. Что-то было в этом притягательного, нового; Тафаки растворился в окружающем его тёплом воздухе, пахнущем людьми, а не пустотой и морем. Но тут мужчина резко развернулся и больно схватил мальчика.

– Это твой младший сын! – с улыбкой вскрикнула Урутонга. И взгляд мужчины смягчился, а крепкая хватка его руки была уже не удушающей, а любящей и прижимающей к сердцу. Вот пример того, как одни и те же вещи человек может называть разными именами. Искра пробежала в обе стороны по этой руке. Рука сейчас соединяла отца и его сына крепче, чем пуповина – сына с матерью.

Тот момент, когда отцовские, теперь голые, а тогда облачённые богатой плотью, кости держали так сильно мальчишку, запомнится на всю жизнь. Всё это происходило в те времена, когда Тафаки ещё не знал, что память его уже начала работу и навсегда сохранит температуру воздуха, запахи и какой-нибудь непонятный предмет в стороне, на первый взгляд ненужный. Потом человек назовёт это воспоминаниями. Хорошо, что они бывают.

Так ли всё было на самом деле, до конца не ясно. Возможно, есть какие-то неточности, но в основном, и Тафаки в этом основном уверен, всё было именно так. И пусть где-то память увеличила масштабы некоторых моментов – они от этого стали только лучше. Потому что теперь они уникальны, прекрасны и принадлежат только одному Тафаки, что говорит о его увлечённом жизнью уме. Он теперь вождь, он должен быть незаурядным.

Теперь он вождь, он должен быть особенным. Он живёт и прошлым, и будущим. Где-то между ними, и не всегда это – сегодняшний день.

Старшие братья Тафаки остались там, где отец и мать. Наверно, они тоже мертвы. Но Кирики родился после Тафаки, и он пришёл к брату, как только узнал, что тот строит свою деревню. Они поделили между собой лодки и дома. Дома достались Тафаки, а лодки – Кирики. Только он один знал, что Тафаки боится открытого глубокого моря из-за своих каких-то детских воспоминаний. По мнению Кирики, эти воспоминания были такими далёкими и сумбурными, как первобытный хаос, когда ещё не было островов, а Тангароа летал в виде чайки в поисках земли – и даже эта история была реальнее большинства рассказов Тафаки о детстве. Ведь его детство происходило, когда Кирики ещё совсем не было – страшно и не может быть! Тогда как во времена Тангароа не было никого, а значит, это справедливее и проще представить.

Они поселились на острове Тонга и зажили общиной. И хоть Тафаки был вождём, его слово считалось решающим, одно лишь то, что он передал командование лодками брату, говорило: вождь хочет снять с себя максимально больше ответственности. Он и хотел на самом деле. Он думал: когда люди освоятся, сразу пойдём войной на Панатури-убийц.

– С Панатури будет не легко драться, – говорил Кирики.

– Многие говорят, они даже не люди, – вторил ему Факатау, знатный воин, о чём говорили татуировки на его лице. (Панатури – в переводе «подобные»)

– Да, так говорят. Я тоже слышал, – снова брал слово Кирики. – И нам понадобится больше времени, чтобы подготовиться. Нужно больше лодок.

Тафаки соглашался. И хоть жажда мести кипела в его сердце, он понимал, что переселение, необходимое для создания новой родовой силы, должно произойти благополучно. Первое время Тафаки задыхался от гнева. Даже не спал три ночи подряд. Ему казалось, что всё идёт слишком медленно и неповоротливо. Он старался мало контактировать с людьми, ходил, потупив голову. В его глазах читалось целеустремлённость, грозная сила и одновременно свежесть – каждый читал это во взгляде вождя, но понимал по-своему. Может быть поэтому все пошли за ним?

Но одно дело – увести людей с освоенных мест, и совсем другое – вести их за собой, куда пожелаешь. Это надо было доказать! Как это сделать, когда гнев душит тебя и хочется бросать копье во врага, а не с холодной головой знакомить других с собой, с таким, какой ты на самом деле. Почему люди не могут сразу познавать других людей, и почему знакомства с целями, идеями и характером так затягиваются. Один неправильный поступок и ты уже не тот, кто ты есть. О тебе уже составлено совершенно ненужное мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.